

Севостьянов Д. А.

**ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИНВЕРСИЙ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ
ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/51.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 143-147. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИНВЕРСИЙ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ

Севостьянов Д. А.

Новосибирский государственный медицинский университет

Проблема соотношений рационального и иррационального в человеческой природе составляет предмет философского осмысления на протяжении многих лет. Вместе с тем, этот вопрос никак не может считаться исчерпанным – хотя бы уже по одному тому, что человеческое поведение во многом было и остается примером иррациональности.

Конечно, человечество претерпевает бурное развитие – развитие, прежде всего, научно-техническое. И именно это развитие отождествляется в понимании многих с прямым следствием рационального поведения, рационального мышления и, шире – рационального бытия. Все это так. Но еще Густав Лебон в конце XIX века заметил, что наука никогда не обещала человечеству ни мира, ни счастья [Лебон 2000: 150]. Не принесла этого и техника. «В активе разума, – отмечает Б. И. Пружинин, – теперь не воображаемые возможности, но вся мощь действительно созданной на его базе технической цивилизации... Однако и то, что противопоставит сегодня разуму, – не вера, пусть даже самая фанатичная, и не суеверие, пусть даже самое темное, но кошмары атомной угрозы, безумие экологического кризиса, пугающая непредсказуемость различного рода революций – зеленых, сексуальных, демографических... Но самое главное заключается в том, что разум является инициатором всех этих процессов, как позитивных (что вполне соотнобразовывалось с ожиданиями), так и негативных (что позволяет сегодня квалифицировать соответствующие ожидания как «просвещенческую иллюзию»). Именно разум привел в движение силы, с которыми, как оказалось, он сам не в состоянии справиться» [Пружинин 1995: 104].

Человек способен на рациональные поступки; но точно так же сильна и иррациональная составляющая в его поведении. И эта иррациональность не дает ему в полной мере насладиться плодами собственной рациональности.

Современная философская литература переполнена высказываниями о том, насколько рациональность соответствует природе человека, а иррациональность, напротив, не соответствует ей. Встречаются, однако, и работы, чьи авторы придерживаются противоположного мнения.

Так, по мнению В. С. Швырева, суть рациональности как философско-мировоззренческой проблемы составляют поиски метафизически обосновываемой осознанной гармонизации человека и бытия, «вписывания» человека в окружающий мир [Швырев 1995: 7]. Как считает Н. С. Автономова, концепции, основанные на сильных требованиях к рациональности, в принципе неосуществимых в реальной жизни, имеют большую объяснительную и предсказательную силу. Напротив, объяснительная и предсказательная сила слабых концепций рациональности очень невелика, хотя им удовлетворяют, казалось бы, почти все практические и познавательные ситуации [Автономова 1995: 49]. Таким образом, считает Н. С. Автономова, рациональность даже и в чремерной своей форме несет преимущества, которые ставят ее выше иррациональности.

Иную позицию занимает А. Л. Никифоров, противопоставляющий свободу и рациональность. Коротко говоря, мнение его таково: человек способен совершать рациональные поступки, но рациональность лишает его свободы: «Не может ли наш выбор быть свободным и, в то же время, рациональным? Очень важно подчеркнуть, что этого не может быть никогда» [Никифоров 1995: 153]. Рациональная деятельность, по мнению А. Л. Никифорова, несвободна; свободная деятельность всегда нерациональна. «Но ведь личность, – пишет далее А. Л. Никифоров, – не может существовать без самореализации, без самовыражения. Если вы всю жизнь действовали так, как принято, как считается разумным, то что же отличает вас от миллионов таких же особей, что может свидетельствовать о вас как о неповторимой, уникальной личности?». Следовательно, чтобы остаться человеком, человек должен совершать свободные (нерациональные) поступки, жертвуя своей рациональностью.

Но дело в том, что свободные поступки (или отсутствие таковых) – это не просто личное дело индивидуума. Из этих поступков, и ни из чего другого, складывается то информационное поле, благодаря которому мы являемся разумными. Культурная, научная, эмоциональная и всякая другая информация, которую накапливает человечество, которой мы непрерывно обмениваемся, составляет необходимое условие существования разума и содержательную сторону всякой разумной деятельности. Человек, изолированный от этой информации с детства, разума не приобретает; будучи изолирован от нее в зрелые годы – разум утрачивает. Итак, если представить логическое развитие идей А. Л. Никифорова, то получится, что рациональность не является *differentia specifica* для человека: она как раз представляет животное составляющее в человеческом поведении; животные в своем поведении вполне рациональны; свобода же и приравненная к ней нерациональность становится, таким образом, чисто человеческим свойством. Между тем именно животные, телесные составляющие человеческой природы традиционно приводились как пример иррационального. Рациональность (разумность), про которую еще Эпиктет говорил, что она «есть бог», становится средством отрицания человека, если она не нарушается. Нарушения рациональности суть свойства свободной личности, а происходит это нарушение под влиянием эмоций, иррациональных телесных импульсов.

Разрешить, хотя бы и в первом приближении, данное противоречие позволяет подход Б. Герта. По его мнению, свойством совершать иррациональные поступки способен лишь тот, кто обладает некоторым, хотя

бы минимальным, уровнем рациональности. Рациональность – положительное свойство, иррациональность положительным свойством не является. «Человек, полагающий, что он стеклянный и может легко разбиться, достаточно разумен для того, чтобы его можно было назвать иррациональным. Действительно, у него есть знание о стекле как особом веществе, которое легко разбивается, а наличие у человека общих знаний такого рода свидетельствует о его разумности в определенных пределах и тем самым является необходимым предварительным условием для моральной вменяемости данного субъекта. Отсюда следует несколько парадоксальный вывод о том, что человек, чтобы быть иррациональным, должен обладать определенным знанием и интеллектом, хотя бы на каком-то минимальном уровне» [Герт 1995: 262]. Иррациональность, в пределах данной личности, предполагает общее наличие рациональности, подобно тому, как цинизм, например, предполагает общее наличие идеалов.

Показанные здесь коллизии в понимании рациональности важны не только сами по себе, но, главным образом, как иллюстрация наличия проблем в данной предметной области. Приходится констатировать, что современная философская мысль, применительно к пониманию рациональности, не знает системного подхода. Под рациональностью подразумеваются порой совершенно разные, нередко – противоположные понятия.

Рациональность может рассматриваться с разных позиций. Внешняя позиция по отношению к рациональности означает, что поступок или действие мы расцениваем, как адекватное в сложившейся ситуации и тогда называем рациональным; при этом «внутренняя механика» поступка или действия не имеет решающего значения. Внутренняя позиция означает, что рациональность понимается как имманентное свойство осознанной, рассудочной деятельности; отношение деятельности к внешним обстоятельствам в данном случае также не имеет особого значения.

Помимо этого, понятие «рациональность» имеет еще и другие смысловые оттенки, благодаря чему оно может рассматриваться еще с трех точек зрения. Так, с нормативной точки зрения производится анализ рациональности как «должного», с дескриптивной точки зрения проводится анализ рациональности как «сущего», и с аксиологической точки зрения проводится анализ рациональности как «чаемого».

С нормативной позиции, рациональность есть конъюнктивное понятие: она остается одним и тем же целостным понятием, не знает качественных вариаций, но может проявляться в большей или меньшей количественной мере, и эта мера рассматривается обычно как степень достижения «должного». Рациональность – это, в основном, характеристика поступка. Поступок может быть рациональным (либо нет), так же как он может быть морально оправданным (либо нет). «За иррациональными действиями, – пишет Б. Герт, – стоят иррациональные убеждения и желания, то есть иррациональная личность» [Герт 1995: 259]. Но иррациональные, нелогичные поступки совершают решительно все люди. Какую же личность мы можем назвать иррациональной? Ту, у которой иррациональность поступков превзошла определенную меру [Герт 1995: 260].

Качественные вариации, напротив, присущи рациональности, рассматриваемой с дескриптивной точки зрения. Пользуясь этим подходом, мы определяем рациональное и иррациональное как объективно существующий предмет для анализа, безотносительно к критериям «правильности» и «неправильности» действий того или иного субъекта. В этом случае «рациональность» может расцениваться как дизъюнктивное понятие, подобно другим отвлеченным понятиям. Например, таким, как «ум», «разум», «совесть» или «справедливость». Рациональность, понимаемая с этой точки зрения, может иметь множество различных проявлений, каждое из которых может само по себе, в отдельности, расцениваться тоже как рациональность.

Наконец, с аксиологической точки зрения, рациональность представляет собой большую или меньшую ценность; в частности, это нашло отражение в вышеупомянутом подходе А.Л. Никифорова. Поскольку любая ценность включается в систему отношений с другими ценностными категориями, постольку рациональность в рамках аксиологического подхода представляет собой соотносительное понятие.

Разумеется, исследование рациональности может производиться в рамках любого из перечисленных подходов. Однако, в любом случае, необходимо оставаться в рамках одного подхода, иначе неизбежна путаница.

Так, в рамках дескриптивного подхода, следует рассматривать рациональные и иррациональные компоненты деятельности как формально равноправные.

Рассуждая о нелогичном устройстве человеческой природы, принято говорить о рациональном и иррациональном в человеке. Но возникает вопрос: являются ли термины «рациональное» и «иррациональное» в этом случае достаточными? Адекватно ли они описывают то, что при поверхностном взгляде может быть названо нелогичным? Рассмотрим же, что такое рациональность и иррациональность, и насколько свободно мы можем оперировать этими понятиями.

Прежде всего, *иррациональный* – это такое же негативное определение, как и *нелогичный*. Негативные знания не имеют большого значения. Совершенно точные сведения о том, что иволга – не рыба, не рептилия и не земноводное, не дают нам ни малейшего представления о том, что есть иволга.

Противостоящая пара, в которой один член содержит простое отрицание другого, дает в познавательном смысле очень немного.

Далее. Рациональность, как уже сказано выше, связывают обыкновенно с осознанной, рассудочной деятельностью. Это обусловлено самим происхождением термина (*ratio*). Между тем те действия, которые мы склонны называть иррациональными, вовсе не исключают рассудочный компонент. Напротив, мы видели, что Б. Герт в своих построениях совершенно справедливо постулировал: наличие рациональности является

для проявления иррациональности необходимым условием.

Иррациональность совершенно не обязательно означает «не-рассудочность», даже в плане отступления от наличной рассудочности. Не следует забывать, что, помимо термина «иррациональный» встречается и термин «нерациональный», который применяется обыкновенно в проскриптивном плане, для оценки тех или иных действий, порой основательно обдуманых, и, тем не менее, неэффективных.

Нерациональность не всегда означает «ущербность», «неправильность». Чаще бывает наоборот. Да, для многих действий рациональность мышления необходима. И, тем не менее... Находим у Сергея Довлатова: «Окружающие любят не честных, а добрых. Не смелых, а чутких. Не принципиальных, а снисходительных. Иначе говоря – беспринципных» [Довлатов 1995: 293]. Здесь перечислен ряд предпочтительных черт, которые представляют собой прямое отступление от рационального, внеэмоционального, рассудочного поведения. И этот перечень может быть продолжен.

Разрешить все перечисленные противоречия можно только, применив обобщение более высокого ранга, нежели то, которое составляет пара «рациональность-иррациональность». Следовательно, понятие рациональности является, применительно к человеческой природе, исходным теоретическим конструктом, промежуточным понятием, которое способно раскрыть свои возможности только под эгидой иной, более высокой общности. Какое же терминологическое оформление должна получить эта общность?

В современной науке существует понятие восходящих и нисходящих процессов. В принципе, эта этимологическая пара выглядит более привлекательно, нежели «рациональный-иррациональный». В частности, она не содержит противопоставления «позитив-негатив», в том плане, что и восходящий, и нисходящий процессы представляют собой объект положительного знания. Но, однако, не в дескриптивном, а в оценочном смысле, термин «нисходящий» все-таки несет в себе негативный оттенок: он ассоциируется с движением, противоположным прогрессу, с регрессом, обратным развитием.

Поэтому, чтобы воздержаться от нормативного и аксиологического подходов, оставаясь в рамках подхода дескриптивного, нам следует употреблять нейтральные термины. Они должны, среди прочего, описывать и те явления в пределах человеческой природы, которые подпадают под определения «иррационального» и «нелогичного». Или, наоборот, «логичного» или «рационального». Но при этом:

- не иметь черт негативного знания;
- как уже говорилось, описывать, а не оценивать;
- не ограничиваться описанием сознательных компонентов психики;
- не охватывать те области, которые являются внешними по отношению к этому понятию, а в настоящее время включены в него по этимологическим или иным случайным причинам.

Термин, помимо формальных признаков, должен иметь определенное содержательное наполнение, которое обеспечивается некоторым общим теоретическим подходом к рассматриваемому явлению – и это главное.

Психика человека представляет собой иерархическую структуру. Это понятно как из устройства нейронной структуры, которая составляет анатомический субстрат для психики, так и из эволюционного развития психической жизни человека. Тем не менее, иерархия эта не может быть названа незыблемой. В ряде случаев нижележащие структуры психики приобретают известную самостоятельность. В результате, в структуре деятельности эти низшие, порой неосознаваемые структуры выходят на первый план. Высшие же структуры психики, которые, как считалось прежде, занимают в иерархической структуре управляющие позиции, приходят в подчиненное состояние.

Обыкновенно именно такое положение дел и принято обозначать как ситуацию иррационального поведения. Но только одной констатацией отсутствия рациональности, или отступления от нее, в данном случае ограничиваться нельзя. Речь идет о качественно новом явлении по отношению к «нормальному», вертикальному отношению иерархически расположенных нервных структур и их функциональных проявлений. Слово «нормальный» следует здесь брать в кавычки потому, что во многих случаях отступления от этой «нормы» не несут в себе никаких нарушений, составляют неотъемлемую часть обычного поведения и сами являются нормой. Фактически речь идет о *психической инверсии*. Именно это ключевое понятие мы и будем далее рассматривать.

Действительно, термин «инверсия» ни в коем случае не может быть назван оценочным; он целиком дескриптивный. Единственным его недостатком может быть названо то обстоятельство, что к нему трудно подобрать антоним. Специального термина, обозначающего «отсутствие инверсии», нет ни в философском, ни в психологическом категориальном аппарате. Отсутствие инверсии представлялось до настоящего времени настолько естественным делом, что о нем не приходилось говорить вслух. В нашем же случае, такая необходимость назрела.

Можно долго спорить о том, какой термин более приемлем. Поэтому, чтобы избежать споров, лучше ввести термин на конвенциональных началах. Итак, принимаем следующее:

Ордер – (от лат. *ordo*) – в значении «порядок, взаимоотношение».

Инверсия (от лат. *inversio*) – в значении «перестановка, переворачивание».

«Ордер» в данном случае означает сохранение систематического порядка в иерархии психических структур, согласно которому эволюционно более молодые структуры, участвующие в данном акте деятельности, занимают ведущие позиции, а эволюционно более старые структуры ограничиваются обслуживающей функцией, действуя при этом на неосознанном уровне. Соблюдение ордера, в первом приближении, являет-

ся синонимом рациональности.

Формально «ордер» и «инверсия» – это антонимы.

Термин «ордер», насколько известно автору, не употреблялся специально в философском категориальном аппарате, хотя в латинской лексике он существовал, используется в ряде значений в русском языке, и дал ряд однокоренных слов и в русском, и во многих европейских языках (орден, ординар и т.п.). Термин «инверсия» также имеет довольно широкое употребление. Описана атмосферная инверсия, инверсия населенностей в физике, синтаксическая инверсия в языке, ритмическая инверсия в стихосложении и великое множество разных других инверсий. Применительно к психике, инверсия рассматривалась до сих пор главным образом в плане сексуальных расстройств. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы распространить действие этого термина на анализ человеческой активности как целого.

Инверсия как системный феномен человеческой природы не получила до настоящего времени специального освещения в философской литературе. До сих пор инверсия рассматривалась как частное, внесистемное понятие в структуре отдельных научных дисциплин. Системный подход к инверсии, применительно к природе человека, предполагает изучение психики, как целостного инверсивного образования, и философское осмысление инверсии в рамках философской антропологии. Однако, как было сказано выше, до настоящего времени попыток такого осмысления не предпринималось.

Выступая с позиций холизма, мы должны признать, что категориальные перегородки внутри психики человека мы расставляем более или менее произвольно. Столь же произвольно деление психики между разными дисциплинами. Психика остается единым явлением, действующим по единым общим законам. Если феномен инверсий существует как системный механизм, то и описываться он должен, исходя из системных позиций. Но в настоящее время психика человека давно и прочно поделена между представителями разных научных направлений и дисциплин. Представители всех этих направлений безусловно сталкиваются в своей работе с инверсивными механизмами психики, но каждый называет их по-своему, и каждый рассматривает их как частное, а не системное явление. А поскольку направлений и отраслей внутри психологической науки чрезвычайно много, то и обобщение всех инверсивных проявлений человеческой природы представляет собой весьма трудоемкую задачу.

Таким образом, исследование психических инверсий в каждом отдельном случае производилось и производится. Но, оставаясь в пределах этих частных инверсий, инверсия применительно к природе человека оставалась до настоящего времени объектом психологической, а не философской дисциплины. Тем не менее, как видим, инверсия представляется объектом обобщений более высокого порядка, чем тот, который предполагает психологическая наука.

Мы уже видели, что инверсия выступает как предмет обобщения не самостоятельно, а в паре с понятием «ордер». Вместе с тем, антонимия слов «ордер» и «инверсия» не абсолютная, ибо абсолютизация самих терминов неодинакова. В человеческом разуме инверсии абсолютны, ордер – относителен, что, между прочим, и создает почву для всякого релятивизма.

Строгое соблюдение ордера в человеческой деятельности возможно и целесообразно только в тех случаях, когда речь идет о решении конвергентных задач – то есть задач, для которых заведомо существует единственное правильное решение, даже если оно пока еще не достигнуто. В этом случае, любое отступление от ордера чревато тем, что задача будет решена неудовлетворительно или не решена вовсе. Следует подчеркнуть, что речь идет как о мыслительных, так и о двигательных задачах. Но значительная часть задач, которые ставит перед человеком жизнь, дивергентна. Дивергентная задача предполагает веер возможностей, большой выбор возможных решений, которые существуют, по крайней мере формально, на равных правах. Так, есть множество способов забить гвоздь; но среди них мы найдем некоторый оптимальный способ, который позволяет лучше всего справиться с этой задачей – то есть быстро и с минимальной затратой сил. Следовательно, задача эта конвергентна. Отклонения от ордера приводят в данном случае к неудачам: либо гвоздь погнется, либо доска будет разбита, а может быть, на заколачивание гвоздя уйдет столько времени, что не стоило и браться за это дело. Напротив, у художника, например, нет некоторого единственного оптимального способа написать картину, так же как у композитора нет единственно правильного способа написать симфонию. Способов много, и каждый заслуживает внимания. Такая задача дивергентна.

При этом четкой границы между конвергентной и дивергентной задачей не существует. Например, общаясь с кем-либо, мы решаем, в принципе, дивергентную задачу, поскольку одним из аспектов общения всегда было и остается проявление одних или других сторон нашей индивидуальности, нашего настроения, наших мимолетных мыслей. В то же время, есть модели эффективной и неэффективной коммуникации. Тот факт, что мы можем в большей или меньшей степени приблизиться к модели эффективной коммуникации, говорит о том, что данная задача может рассматриваться и как конвергентная. Следовательно, конвергентность и дивергентность представляют собой, в пределе, два полюса некоторого континуума.

Картина еще усложняется тем, что конвергентность и дивергентность могут быть представлены на разных уровнях, из которых строится человеческая деятельность. Бывает так, что конвергентность на нижележащем, неосознаваемом уровне деятельности сопровождается дивергентностью на вышележащем, осознаваемом уровне. Ордер в этом случае, в принципе, сохраняется. Например, если художник в рамках традиционной школы изображает человека, то для успеха ему необходимо, прежде всего, точное копирование его лица и фигуры; эта задача вполне конвергентна, и с ней справляются его низшие моторные уровни. А высшие уровни психики художника, оперирующие символами, выстраивают то, что принято называть духов-

ным содержанием картины.

Бывает иначе, когда бремя дивергентности ложится на нижележащие уровни моторного построения, а вышележащие решают задачу конвергентную. В этом случае мы вправе говорить об инверсии. Однако содержание нижележащих уровней может восприниматься эмоционально, не осмысливаясь при этом рационально, ввиду невозможности вербализации. Так бывает, например, когда картину пишет художник-экспрессионист. Эмоции его картина передает не хуже, а, пожалуй, и лучше, чем полотно его коллеги, приверженца академической школы; но вся эта информация, если оценивать ее в традиционной форме, совершенно иррациональна. Ее нельзя сколько-нибудь полно передать словами или подвергнуть рассудочному анализу. Ее можно только воспринимать, как данность.

Структура ордера применительно к человеческой деятельности подробно описана в трудах отечественного нейрофизиолога Н. А. Бернштейна [Бернштейн 1990]. Однако в его концепции рассматриваются только конвергентные двигательные акты. Следование одним только конвергентным актам превращает человека в некоторое подобие моторного робота. Часто, очень часто мы ведем себя именно так – поскольку в нашей жизни хватает конвергентных задач. Решая эти задачи, мы – в широком смысле этого слова – создаем условия для своей жизнедеятельности; но мы ничего не добавляем к единому информационному полю человечества, которое, как говорилось ранее, и делает нас разумными.

Инверсия представляет собой многоплановое явление, отнюдь не сводимое к функциональной перестановке моторных уровней индивидуума. Так, инверсивный характер носят защитные механизмы Эго, описанные Зигмундом Фрейдом; инверсия проявляется в аддикциях, неврозах, всевозможных конфликтных эмоциональных состояниях. Именно эта универсальность и делает инверсию предметом философского осмысления, системным механизмом, который не сводится ни к одному из своих проявлений в частностях.

Помимо всего прочего, инверсия представляет собой мерило иррациональности человека, подобно тому, как следование ордеру соответствует рациональному поведению человека.

Таким образом, иррациональность представляет собой частное проявление психической инверсии. Инверсия может привести к неадекватности действий, при неврозах и прочих подобных случаях. Она же является залогом нормальных человеческих отношений, она обеспечивает наполнение человеческой культуры многими элементами, которые в рамках рациональности просто не смогли бы появиться на свет. Иными словами, инверсия представляет собой системный адаптивный механизм; и как все эволюционно обусловленные механизмы, она способна действовать и на пользу индивидууму, и во вред ему.

Список литературы

- Автономова Н. С.** Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 49.
- Бернштейн Н. А.** Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 496 с.
- Герт Б.** Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 259-262.
- Довлатов С.** Соло на IBM // Довлатов С. Проза. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. – Т. 3. – С. 293.
- Лебон Г.** Психология масс. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 150.
- Никифоров А. Л.** Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 153.
- Пружинин Б. И.** Рациональность и единство знания // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 104.
- Швырев В. С.** Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 7.

ТВОРЧЕСКО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ А. ГЕНЕРАЛОВА

Сернова Т. В.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Общеизвестно, что динамика развития музыкального (вокального) искусства во многом определяется исполнителями. Изучение данного процесса, особенно на небольшой исторической дистанции, возможно, достичь, опираясь, прежде всего, на личностный аспект исследования. Р. Куренкова пишет: «Именно художник является началом и первопричиной искусства. Его личность можно рассматривать как центр художественного творчества. Он выступает как субъект художественного творчества и креативная причина. Субъективный фактор в искусстве играет чрезвычайно важную роль. ... Уникальный характер творческого процесса определяется своеобразием личности художника, особенностями тех задач, которые он ставит перед собой и решает как автор» [Куренкова 2004: 230].

Исполнительская деятельность народного артиста Беларуси А. Генералова охватывает периода – начало 50-х – конец 70-х годов XX века. За это время им было исполнено значительное количество ведущих партий в западноевропейских, русских, белорусских операх, романсы, народные песни. Вместе с тем, с конца 70-х